

17. ГАТО. Ф. 1112. Оп.2. Д. 1613. Л.36;
 18. ГАТО. Ф. 1112. Оп.2 Д. 1299. Л. 11 об.;
 19. ГАТО. Ф. 2240. Оп.1. Д. 3. Л. 101;
 20. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). - Тюмень:Изд-во ТюмГНГУ, 2002. — С. 109; Она же. Развитие социальной сферы в Тюменской области в 1960-1980-е годы //Налоги. Инвестиции. Капитал. 2004. № 5-6. С.103;
 21. Отрадных А.Н. Города как люди // Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 2. С. 216;
 22. ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 6932. Л. 60; ГАОПОТО. Ф. 3965. Оп.1. Д.383. Л. 78;
 23. ГАТО. Ф. 814. Оп.1.Д. 6932. Л. 50, 53, 60;. Д. 6986. Л. 73. Подсчет;
 24. ГАТО. Ф.814. Оп.1. Д. 6984. Л. 76-77;
 25. Отрадных А.Н. Города как люди // Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 2. С.218;
 26. ГАТО. Ф.1112. Оп. 2. Д. 1142. Л. 17-21 об.; Д.1142. Л.24;
 27. ГАТО. Ф.2240. Оп. 1. Д. 7. Л. 123, 143;
 28. ГАТО. Ф.2101. Оп. 1. Д. 1542. Л. 160;
 29. Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет. С. 6. Подсчеты.

Сергей Борисович ВЕРЕЩАГИН —
аспирант кафедры английского языка

УДК 802

ПРЕСУППОЗИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается явление пресуппозиции в политическом дискурсе, а также ее проявления на уровнях синтаксиса и лексической семантики. Использование пресуппозиций раскрывается на примере текста дискурса политических дебатов в Новой Зеландии.

The following article presents the term «presupposition» in political discourse, as well as its presence on the levels of syntax and lexical semantics. The use of «presuppositions» is revealed on the basis of discourse of the political debates which took place in New Zealand.

За последнее десятилетие появилось много работ, посвященных исследованию дискурса. Все чаще внимание лингвистов привлекает политический дискурс, как один из наиболее распространенных речевых жанров. Их исследования затрагивают такие дискурсивные аспекты, как: цели и задачи политического дискурса, его структура и содержание и др. Не меньшее внимание уделяется критическому и когнитивному анализу политического дискурса. Политический дискурс является наиболее исследуемым жанром на сегодняшний день. Среди лингвистов, посвятивших себя его исследованию можно назвать следующие имена: А. П. Чудинов, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, Е. И. Шейгал, В. И. Курбатов, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, О. Н. Паршина, М. В. Новикова-Грунд, О. П. Ревзина, О. В. Русакова, Д. А. Максимов, Теон ван Дейк, Лакофф Дж., Дэвид В. Джонсон и Роджер Т. Джонсон, Майкл Грайс, Стеф Слемброук, Малколм Култхард, Норман Фейрклоу и др. не менее выдающиеся исследователи [1]. В качестве предмета исследования мы используем явление пресуппозиции, а в качестве примера приведем дискурсивный анализ политических дебатов.

Политический язык — это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений

в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия [2].

Многие лингвисты признают, что *убеждающая функция* является основной функцией политического дискурса. Как справедливо отмечает П. Б. Паршин, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [3].

По мнению Е. К. Павловой, основная функция современного языка политики — *манипулятивная*, т.е. функция управления обществом, общественным мнением, навязывание политиками своей воли. Такая направленность породила арсенал лексических средств языкового воздействия на массовое сознание: политические метафоры, ярлыки, клише, идеологические штампы, политические эвфемизмы и дисфемизмы. Эта лексика, эмоционально-оценочная по своей природе, является одним из *основных элементов* языка политики [4].

По мнению М. В. Новиковой-Грунд, любой публичный деятель в той или иной степени представляет собой не что иное, как текст, или, точнее, комплекс текстов. Его частная нетекстовая жизнь, пока она не является предметом публичного внимания и обсуждения, представляет собой некоторую «вещь в себе». Но как только ее фрагменты становятся известны публике, они приобретают главное качество любого текста: коммуникативность. Автор вольно или невольно закладывает в текст ряд структур, влияющих на реципиента в той степени, что можно говорить о манипуляциях. Реципиент же в процессе восприятия текста интерпретирует его, т.е. подвергает преобразованиям, иногда довольно агрессивным и не прогнозированным автором [5].

Для того, чтобы подвергнуть анализу политический дискурс, целесообразно обратить внимание на понятие пресуппозиции.

Согласно БЭС под редакцией В. Н. Ярцевой, пресуппозиция — это термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте [6].

Среди понятий, тесно связанных с пресуппозицией, значатся пропозиции и импликации. И. П. Сусов в статье «Пропозиция как универсальная семантическая единица» определяет *пропозицию* как универсальную семантическую единицу и выделяет в ней 5 аспектов:

1. Стержневое содержание значимой языковой единицы (начиная от текста, включая предложение и слово, и заканчивая морфемой) может быть представлено пропозициональной моделью, где в речевом употреблении на базовые пропозиции накладываются новые, дополнительные пропозиции, образуя вместе с матричными иные по строению пропозициональные структуры.

2. В содержании слова пропозиции содержатся неявно. Неявность пропозиций в значении слова делает их как бы пресуппозициями, т.е. предварительными условиями реализации значений слов. Пресуппозиция устроена так же, как и пропозиция, но она остается неактуализованной. Формой же ее реализации выступает пропозиция.

3. Предложение представляет собой языковую единицу, которая оптимальным образом приспособлена для актуализации пропозиций.

4. Фреймовое или другое представление смысла слова, предложения, текста тоже есть своего рода пропозициональная модель. Она также может вобрать в себя прагматические составляющие.

5. Чем выше уровень организации знаковой единицы, тем более сложными оказываются взаимоотношения пропозициональных, пресуппозиционных и импликационных аспектов представления смысла [7].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова в статье «Понятие пресуппозиции в лингвистике», пресуппозиция противостоит коммуникативно-релевантному содержанию высказывания. Она входит в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников, как их «предварительный договор». Основным свойством пресуппозиции, отличающим ее от сообщаемого, является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях [8].

Пресуппозиция — подразумеваемое — «это то, что говорящий предоставляет заключить своему собеседнику» [9].

Лингвистическая природа пресуппозиций, утверждает Теон ван Дейк, прослеживается благодаря тому, что в тексте имеются выражения, которые и отражают пресуппозиции. Так, если сказать, что «даже террористам стало жаль жертв», то использование «даже» подразумевает, что террористы обычно безжалостны. Это же можно отнести и к использованию определенного артикля в тех языках, где он предусмотрен, для выражения существования чего-либо и т.д. [10].

Пресуппозиции используются в контексте и имеют свое значение. Одним из элементов такого контекста могут быть наши предположения о намерениях говорящего или пишущего. Можно сказать, что произнося А, говорящий, возможно, подразумевает Б, В, и Г. Или же мы можем сконструировать нашу собственную модель контекста и сказать, что для меня А подразумевает Д, Е, и Ж. Дискурс является связным не только когда он глобально понятен (обладает темой), но также когда предложения (пропозиции) последовательно связаны между собой. Согласованность можно определить в рамках ментальных моделей: текст является связным при условии, что он обладает ментальной моделью; или, если выразиться более психологично: текст является связным, если А это А и он способен предложить ментальную модель для этого. Другими словами, мы исследуем взаимосвязь между последующими пропозициями и устанавливаем относительную ментальную модель, в которой содержание текста имеет смысл. Такой вид согласованности можно назвать реферативным, так как он определяется в рамках (ментальных моделей) событий, о которых говорится в тексте [11].

Эти (так же как и другие) когнитивные операции постоянно проводятся на основании определенного контекста, например, намерений, целей или убеждений авторов и реципиентов.

Из ряда пресуппозиций можно выделить *неопределенное суждение*, в котором опущена ссылка на исполнителя действия или автора неопределенного суждения. Например: «Очень полезно помнить, что...». Новикова-Грунд называет их синтаксическими конструкциями, в которых субъект действия либо отсутствует в принципе, либо грамматически наличествует, но семантически расплывчат и неопределен, поскольку выражен неодушевленным существительным с абстрактным или собирательным значением. Два типа конструкций:

1. Безагенсные (*Надо чаще читать газеты*).
2. Псевдоагенсные (*Чтение газет необходимо для понимания ситуации*).

В процессе чтения или слушания безагенсные и псевдоагенсные конструкции нестораживают читателя, но существенно снижают критическое восприятие им текста [12].

Среди других пресуппозиций можно выделить: *комплексную эквивалентность*, заключающуюся в том, что два явления имеют одинаковый смысл. Например: «Если мы не научимся защищать права наших людей, никто нас уважать не будет!». На самом же деле одно означает нечто совершенно иное;

универсальные квантификаторы (универсальные обобщители), придающие утверждению всеобщий или абсолютный характер. Например: «все сотрудники...» или «вам никогда не придется ...»; модальные операторы, которые подразумевают возможность или необходимость; номинализации, отглагольные абстрактные существительные, такие, как *дружба, неудача, любовь* и т.д., которые превращают процесс в вещь или события; *двустороннее ограничение*, создающее «иллюзию выбора» [13].

Явление метафоры также используется в качестве пресуппозиции. По мнению А. П. Чудинова, метафора понимается как способ познания действительности. Метафора — это ментальный феномен: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы [14]. *Метафора* — это «не столько способ выражения мысли и украшение текста, сколько основная ментальная операция, способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [15]. Метафора выступает как один из возможных механизмов игры смыслоозначения [16].

В роли фундаментальной когнитивной операции, участвующей в организации, обобщении человеческого опыта и восприятия мира, постулируется метафора. «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Наши понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорой», — писали Дж. Лакофф и М. Джонсон, создатели одного из ведущих направлений когнитивной лингвистики — теории концептуальной метафоры [17].

Среди терминов, тесно связанных с понятием пресуппозиции, является принцип *differance*. Ж. Деррида в 1960 г. ввел в лингвистику понятие *деконструкции* (от лат. *de* «обратно» и *constructio* «строю»; «переосмысление»), означающее понимание посредством разрушения стереотипа или включение в новый контекст. Принцип *differance* (дифферанс) является составляющей понятия деконструкции.

Данный принцип основывается на смыслообразовании и представляет собой парадоксальную структуру, представляющую собой своего рода неформулируемый и немислимый «синтаксис» текстопроизводства, который ставит под сомнение все нормы принятых текстуальных или дискурсивных практик европейской системы знания, построенной на наивных предпосылках иерархических и репрессивных отношений присутствующего (сущность, субстанция, субъект, голос и т.д.) к отсутствующему (различие, знак, след и т.д.) [18].

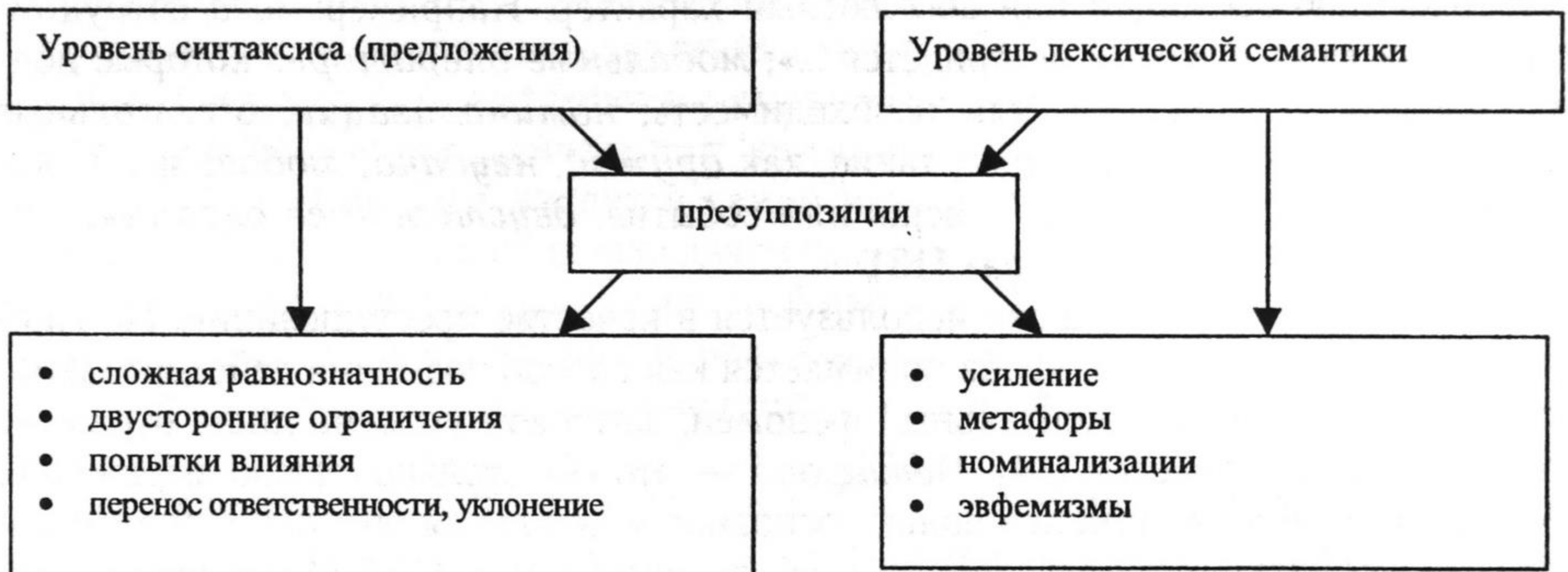
Основными положениями концепции являются утверждения, что:

1. «В центре существования стоит различие, а не сущность.»
2. «Знаки могут представлять значения только через *differance* (различие + общие характеристики)» [19].

Принцип *differance* заключается том, что слова и знаки никогда не смогут передать истинное значение, но которым можно дать определение или объяснение при помощи большего количества слов. Отсюда можно сделать вывод о том, что сказанное не может быть полностью истинным.

При анализе политического дискурса считаем целесообразным включить в список пресуппозиций усиление и эвфемизмы, поскольку первое отражает эмоциональную сторону участников, второе — их толерантность.

Разделив пресуппозиции на два уровня, представим их в виде схемы:

В качестве примера мы возьмем страну, парламентский институт которого сравнительно молодой и характеризуется мультиэтничностью

Интерактивная роль участников дебатов заключалась в том, чтобы задать вопрос, дать ответы на вопросы политики, а также, при необходимости, предоставить актуальные комментарии, в полной мере исчерпывающие пробелы в знаниях других участников своей информативностью. Данная форма (вопрос-ответ) была выдержана до окончания дебатов, с некоторыми вкраплениями споров и выяснения отношений.

Речевые акты участников дебатов отвечали структуре целостного контекста, за редкими исключениями проявления интолерантности, непонимания и перебивания. Так, например, один из участников с трудом пытался донести смысл сказанного другому, комментируя данный пробел в знаниях несдержанными высказываниями с использованием усилительной конструкции «*the member has a very limited understanding of the Kyoto Protocol*», «*the member still does not get it*».

Также встречаются пресуппозиции, которые можно подвести под фрейм сложной равнозначности, например: «*what does she have to hide by refusing the release of the transcripts*», где спикер делает необоснованное заключение об умалчивании информации по причине того, что реципиент отказывается обнародовать пленку. На самом деле эти два факта совершенно не взаимосвязаны.

В ряде высказываний можно обнаружить пресуппозицию переноса действия на другой объект, например: «*as the member knows, various litigation is being threatened and it is not appropriate for me to take any further action*».

В качестве вопроса неоднократно использована стратегия двустороннего ограничения, например: «*Does the Minister share our surprise... or does the Minister regard United Future as a «Poodle Party»?*». В приведенном примере можно также обнаружить наличие зооморфной метафоры «*Poodle Party*».

Прием усиления используется сравнительно часто и обладает как положительной, например, «*I will be most happy to present it*», так и отрицательной, например, «*dreadfully weak*» коннотациями в примерном соотношении 50/50.

В речевых актах участников дебатов можно встретить некоторые метафоры, пресуппозиции которых раскрываются посредством неодушевленного объекта, например: «*come up with a red flag*», «*the rubber hits the road*», «*having the silver spoon in the mouth*» и др. Второй вид метафор представлен одушевленным объектом животного с негативной коннотацией, — зооморфные метафоры, например: «*Poodle Party*», «*He is a bit like a dog*».

Стоит взять во внимание принцип дифферанс. Согласно данному принципу, слово не может в точности передать свое значение без использования других слов. Согласно этому принципу в дебатах возник конфликт на почве многозначности слова *shift*. «*It's not a tax increase, it's a tax shift...*» говорит один из участников. В результате это вызвало всевозможные недовольства, потому как знания других участников интерпретируют лексему *shift* по-своему, причем не в том значении, которое подразумевалось автором темы.

На сегодняшний день, существующие методы дискурсивного анализа достаточно разнообразны. В данной статье за основу был взят метод когнитивного анализа пресуппозиций в тексте. Из приведенного анализа мы можем сделать вывод, что данный метод является достаточно эффективным методом дискурсивного анализа политических дебатов, по результатам которого можно успешно провести сравнительный анализ текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев А. В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 208 с.; Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек, 1997. № 6. С. 108-117; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000; Колесов В. В. О современном политическом дискурсе // Тенденции развития русского языка: сборник статей к 70-летию профессора Г. Н. Акимовой. СПб., 2001. С. 131-134; Курбатов В. И. Коммуникативный дискурс (понимание, интерпретация, смысловые границы коммуникативного взаимодействия) // Социально-гуманитарные знания, 2005. №4. С. 294-301; Новикова-Грунд М. В. «Свои» и «Чужие»: Маркеры референтной группы в политическом дискурсе. Полис: Пол. ис. 2000. № 4. С. 82-93; Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М., 2004; Ревзина О. П. Язык и дискурс // Вестник МГУ. Сер. 9 Филология, 1999. №1. С. 25-34; Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования, 2006. № 4. С. 38-41; Johnson David W. and Roger T. Johnson. Civil Political Discourse In A Democracy: The Contribution Of Psychology, 2000. <http://www.co-operation.org/pages/contro-pol.html>; Fairclough Norman. Language and Power, 2001. P. 226; Teun A. van Dijk. Political Discourse and Ideology, 2001. <http://www.discourse-in-society.org/dis-pol-ideo.htm>.
2. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108-117.
3. Паршин П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. М., 1987.
4. Павлова Е. К. Лексические проблемы глобального полит дискурса // Вестник МГУ. Сер.19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2005. № 2. С. 98-111.
5. Новикова-Грунд М. В. Лингвистические маркеры референтной группы в полит диск. // Вестник МГУ. Сер. 12, «Полит науки», 2000. № 5. С. 103-115.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 2000. 688 с.
7. Сусов И. П. Пропозиция как универсальная семантическая единица // Семантика языка и речи. Уфа, 1990. С. 68-69.
8. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1973.
9. Ibid. P. 86.
10. Teun A. van Dijk (2001). Text and Context of Parliamentary Debates. <http://www.discourse-in-society.org/Txt&ContParlDebates.htm>
11. Ibid.
12. Новикова-Грунд М. В. Лингвистические маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Вестник МГУ. Сер. 12, полит науки, 2000. № 5. С. 103-115.
13. Олдер Гарри, Хэзер Берил. NLP. Полное практическое руководство. 2000. 224 с.

14. Будаев А. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 208 с.
15. Чудинов А. П. Политическая метафора как отражение политической толерантности/ интолерантности // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 323-345.
16. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. Томск: Водолей, 1999. 160 с.
17. Lakoff G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1990.
18. Деррида Ж. *Позиции*. Киев, 1996. 192 с.
19. Белозерова Н. Н., Чуфистова Л. Е. Когнитивные модели дискурса. Тюмень, Изд-во ТюмГУ, 2004. 254 с.

*Валерий Валентинович ЦЫСЬ —
доцент кафедры истории России
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета,
кандидат исторических наук*

УДК 94 (47)

К ВОПРОСУ О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ МИЛИТАРИЗАЦИИ ТРУДА В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

АННОТАЦИЯ. В статье обращается внимание на тесную связь между милитаризацией труда, являвшейся одной из составных частей политики военного коммунизма и рядом положений марксистской доктрины. Указывается на влияние на трудовые отношения, установившиеся в Советской России после 1917 г., представлений большевиков о характере и роли вооруженных сил в социалистическом обществе, а также принципов всеобщей трудовой повинности.

The article emphasizes the strong bond between labour militarization, one of the components of military communism policy, and a number of provisions of the Marxist Doctrine. It also points out the impact of the Bolsheviks' ideas on labour relations established in the Soviet Russia after 1917, the armed forces role and characteristics in socialist society, as well as on the principles of compulsory labour participation.

Милитаризация труда, являвшаяся одной из составных частей политики военного коммунизма, в советской историографии обычно объяснялась чрезвычайными условиями, в которых оказалось советское государство в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. Нам представляется, нужно внести дополнения и коррективы в эту характеристику на основе анализа некоторых работ классиков марксизма.

В представлении сторонников учения К. Маркса и Ф. Энгельса трудовые отношения в обществе будущего тесно увязывались с обязанностями по защите социалистического отечества. Охрана же революционных завоеваний неизменно связывалась с идеей всеобщего вооружения народа, которое должно сменить регулярные армии эпохи капитализма. Положение об этом содержалось в сочинениях «основоположников» и воспроизводилось в трудах их последователей, входило в программу, принятую на Втором съезде РСДРП в 1903 г.

Считалось, что вооруженная сила — плод «ненормальных общественных условий» [1; 163], а постоянная армия отнимает у нации «самую необходимую часть населения» [2; 539]. «В коммунистическом обществе никто не станет и думать о постоянном войске», т. к. для охраны внутреннего спокойствия оно не нужно — никому и в голову не придет его нарушать; захватнические войны